

Глава 8.

Символ — ключ к разгадке человека

Философы очень часто пытались описать специфику человека. Они обычно видели ее в разуме: «разумное существо» или «разумное животное» — таковы классические определения человека. В других характеристиках ставили ударение на различных аспектах: человек как «политическое животное», творец истории, носитель языка, способный к выражению религиозных чувств. Итальянский философ Э.Агацци отмечал, что многие животные создают поразительно «совершенные предметы». Таковы, к примеру, пчелиные соты⁹¹. Человек имеет способность не подчиняться законам природы, и вопрос о том, прав он или нет, пользуясь этой способностью, является одним из наиболее серьезных и наименее выясненных пунктов его бытия. Но, скажем, дух улья? Где он, в ком он воплощается? «Он, — утверждает М.Метерлинк, — не похож на собственный инстинкт птицы, которая умеет искусно строить свое гнездо и находит другие небеса, когда наступает день перелета. Он не является тем более особой машинальной привычкой рода, которая слепо стремится только к жизни и всюду наталкивается на случайности, как только непредвиденное обстоятельство расстраивает ряд обычных явлений. Наоборот, этот дух следует шаг за шагом за всемогущими обстоятельствами, подобно разумному и ловкому рабу, который умеет извлечь пользу из самых опасных повелений своего господина»⁹².

Животные часто прекрасно исполняют свои роли. Таково пение соловья или поведение многих зверей во время охоты. Однако такое поведение заранее ориентировано на достижение определенной цели, и его можно считать «совершенным» с антропоморфной точки зрения, но в этих случаях не выражено никакой тенденции к совершенству со стороны животного. Агент просто подчиняется выражению врожденных способностей, возможно, подвергаясь влиянию обратной связи, предопределенной его взаимоотношениями с окружающей средой тем же образом, каким действуют наши компьютеры, снабженные удобными средствами обратной связи. Другими словами,

так называемое совершенство выражено в их способе существования, а не в стремлении к тому, что «должно быть», и не в возможности или невозможности осуществить этот идеал.

Для людей же, напротив, цель предопределена, т.е. представлена ими заранее. Люди выполняют действия, которые «оцениваются» как ведущие к определенной цели, при этом подвергается оценке степень совершенства действий, направленных на выполнение данной цели. Так происходит благодаря тому, что у человека есть возможность пользоваться интенциональными, идеальными сущностями, а некоторые из них могут стать целями и путеводной линией в поведении человека. Животные же (насколько нам известно) в состоянии точно знать о конкретно существующих материальных объектах. Вот почему вся подлинно человеческая деятельность интенциональна в том смысле, что опирается на более высокий уровень интенциональности, а это в свою очередь дает человеку возможность иметь перед собой идеальное, еще не существующее состояние предмета и принять решение воссоздать эти предметы в действительности, а также определить критерии совершенства для оптимальной реализации своей цели. Опираясь на эти свойства человека, можно определить разницу между простым поведением, ориентированным на осуществление цели, и более сложным, направленным на достижение совершенства.

Итак, человеческая деятельность опирается на сознание. Однако, как отмечает Сьюзен Лангер, в изучении разума первостепенное значение все больше приобретает использование символов. Это придает психологии новую ориентацию, особенно — генетической психологии, которая отслеживает развитие ума. «Недавняя литература психогенетиков достаточно свидетельствует о том центральном положении, которое сохраняет в нашем понятии человеческого интеллекта символизирование, или язык в самом общем смысле»⁹³.

Представляющие образы, на основе которых мы действуем, являются символами самого разного вида. Большинство эпистемологов в общем признают этот факт. Но что не получило их должного признания, так это огромное значение разновидностей. Пока мы будем рассматривать ощущения как *знаки* вещей, которые, как предполагается, позволяют им возникнуть,

и будем, по мнению С.Лангер, толковать такие знаки как связь с прошлыми ощущениями, которые тоже были подобными знаками, мы еще не прикоснемся даже к поверхности символа-производящего человеческого ума.

Только когда мы вникаем во все разнообразие символической деятельности, как, например, это сделал Кассирер, мы начинаем понимать, почему человеческие существа не поступают так, как поступали бы сверхразумные кошки, собаки или обезьяны. То, что человеческий мозг постоянно осуществляет процесс символического преобразования экспериментальных данных, поступающих в него, вызывает в нем настоящий фонтан более или менее спонтанных мыслей.

Кассирер сыграл огромную роль в постижении человеческой природы. Он раскрыл те особенности человека, которые не являются у него общими с остальными животными: ритуал, искусство, смех, плач, речь, суеверие и научный гений.

В истории философии человека пытались понять с помощью психологической интроспекции. Так называется метод углубленного исследования и познания человеком актов своей собственной активности: отдельных мыслей, образов, чувств, переживаний, актов мышления как деятельности разума, структурирующего сознания. Интроспекция долгое время была главным методом исследования психических состояний и содержания сознания человека.

Интроспективная психология — общее название для ряда психологических концепций, авторы которых считали интроспекцию главным и даже единственным средством познания, поскольку психика открыта непосредственно только субъекту сознания. Согласно этой точке зрения, «чужое» сознание поддается реконструкции с помощью следующего метода умозаключения: внешние реакции индивидов трактуются по аналогии с внешними выражениями явлений моего собственного сознания. Так, чтобы судить о душевном состоянии другого человека, необходимо самому хотя бы раз пережить подобные состояния. Психика животных, душевнобольных, людей иной культуры, согласно интроспективной психологии, также может быть познана через изучение моего собственного сознания.

Истоки интроспективной психологии прослеживаются в работах Р.Декарта и Дж.Локка. К ней относят школу В.Вундта, структурную психологию Э.Б.Титченера, психологию акта Ф.Брентано, концепцию Вюрцбургской школы, частично гештальтпсихологию (особенно в ранний период ее развития, когда гештальтпсихологи проводили исследования восприятия методом феноменологического самонаблюдения). В отечественной психологии сторонниками методов интроспективной психологии были К.Д.Кавелин, Л.М.Лопатин, А.И.Введенский, Г.И.Челпанов и др.

Представители интроспективной психологии критиковали друг друга за разное понимание процедур интроспекции, но в целом сохраняли принципиально то же понимание сознания как «совокупности сознаваемых нами состояний» (В.Вундт). Интроспективная психология была подвергнута критике во многих психологических школах конца XIX — начала XX в. и как отдельное направление в настоящее время не существует. Вместе с тем многие элементы и интенции интроспективной психологии используются современной психологией.

Э.Кассирер предложил в «Философии символических форм» альтернативный метод. Он исходит из предпосылки, что если существует какое-то определение природы или «сущности» человека, то это определение может быть понято только как функциональное, а не субстанциональное. Кассирер превращает символ в универсальную категорию. Все формы культуры рассматриваются им как иерархия «символических форм», адекватных духовному миру человека. Последний не определяется как символическое животное.

Отличительный признак человека — его *деятельность*. «Философия человека», следовательно, такая философия, которая должна прояснить для нас фундаментальные структуры каждого из видов человеческой деятельности и в то же время дать возможность понять ее как органическое целое. *Язык, искусство, миф, религия* — это не случайные, изолированные творения, они связаны общими узами. Что касается философии культуры, то она у Кассирера начинается с утверждения, что мир человеческой культуры не просто скопление расплывчатых и разрозненных фактов.

С эмпирической или исторической точки зрения кажется, будто достаточно собрать факты человеческой культуры, чтобы разгадать и сам феномен. Кассирер отдает предпочтение тезису о разорванности человеческой культуры, ее исходной разнородности. Человеческую культуру в ее целостности можно, по Кассиреру, описать как процесс последовательного самоосвобождения человека. Язык, искусство, религия, наука — это различные стадии этого процесса.

В книге «Опыт о человеке» Кассирер не только излагает в доступном варианте основные идеи «Философии символических форм». Он также впервые развивает философско-антропологические предпосылки символики. Отвечая на вопрос, что такое человек, Кассирер показывает, что известная формула «animal rationale» не потеряла своей значимости, несмотря на все усилия иррационалистов. В то же время он подчеркивает, что понятие «разум» слишком узко для того, чтобы охватить все формы культурной жизни человека во всем богатстве ее содержания. Все эти формы — символические формы. Вопреки всем усилиям современного иррационализма определение человека как рационального животного ничуть не утратило своей силы. Рациональность — черта, действительно внутренне присущая всем видам человеческой деятельности. Даже мифология — не просто необработанная масса суеверий или нагромождение заблуждений; ее нельзя назвать просто хаотичной, ибо она обладает систематизированной или концептуальной формой.

С другой стороны, однако, структуру мифа невозможно охарактеризовать как рациональную. Часто язык отождествляют с разумом или подлинным источником разума. Но такое определение, как легко заметить, не покрывает все поле. Оно предлагает нам часть вместо целого. Ведь наряду с концептуальным языком существует эмоциональный язык, наряду с логическим или научным языком существует язык поэтического воображения. Первоначально язык выражал не мысли или идеи, но чувства и аффекты. И даже религия «в пределах чистого разума», как ее понимал и разрабатывал Кант, — это тоже всего лишь абстракция. Она дает только идеальную форму, лишь тень того, что представляет собой действительная конкретная религиозная жизнь.

Великие мыслители, которые определяли человека как рациональное животное, не были эмпириками, они и не пытались дать эмпирическую картину человеческой природы. Таким определением они скорее выражали основной моральный императив. Разум — очень неадекватный термин для всеохватывающего обозначения форм человеческой культурной жизни во всем ее богатстве и разнообразии. Но все эти формы суть символические формы. Вместо того, чтобы определять человека как *animal rationale*, Кассирер предложил, следовательно, определить его как *animal symbolicum*. Именно так, по его мнению, можно обозначить его специфическое отличие, а тем самым и понять новый путь, открытый человеку, — путь цивилизации.

Если Финк полагает, что культ, миф, религия, поскольку они человеческого происхождения, равно как и искусство, уходят своими корнями в бытийный феномен игры, то Кассирер выводит феномен культуры из факта несовершенства биологической природы человека. Человек утратил свою первоначальную природу. Мы не можем сказать, почему это произошло. Ученые говорят о влиянии космических излучений или месторождений радиоактивных руд, которые вызвали мутации в механизме наследственности. Сходный регресс — угасание, ослабление или утрата некоторых инстинктов — не является, вообще говоря, абсолютно неизвестным природному миру.

«Частичная утрата (ослабленность, недостаточность, поврежденность) коммуникации со средой обитания (дефект плана деятельности) и себе подобными (дефект плана отношений) и есть *первоначальное отчуждение*, исключившее прачеловека из природной тотальности. Данная коллизия глубоко трагична. Как трагедия она и осмыслена в мифе об изгнании перволюдей из рая, причем в мифе метафорически воплощено представление об утрате как плана деятельности (“съедение запретного плода”), так и плана отношений в сообществе (“первородный грех”). “Изгнанный” из природной тотальности, ставший “вольнотпущенником природы”, как назвал человека Гердер, прачеловек оказывается существом свободным, то есть способным игнорировать “мерки вида”, преступать непреложные для “полноценных” животных табу, запреты, но лишь негативно свободным: не имеющим позитивной программы существования»⁹⁴.

Социальность, культурные стандарты диктуют человеку иные, нежели биологическая программа, образы поведения. Инстинкты в человеке ослаблены, вытеснены чисто человеческими потребностями и мотивами, иначе говоря, «окультурены». Действительно ли притупление инстинктов – продукт исторического развития? Новейшие исследования опровергают такой вывод. Оказывается, слабая выраженность инстинктов вызвана вовсе не развертыванием социальности. Прямая связь здесь отсутствует.

Человек всегда и независимо от культуры обладал «приглушенными» неразвитыми инстинктами. Виду в целом были присущи лишь задатки бессознательной природной ориентации, помогающей слушать голос земли. Идея о том, что человек плохо оснащен инстинктами, что формы его поведения мучительно произвольны, оказала огромное влияние на теоретическую мысль. Философские антропологи XX в. обратили внимание на известную «недостаточность» человеческого существа, на некоторые особенности его биологической природы.

Например, А.Гелен полагал, что животное-биологическая организация человека содержит в себе определенную «невозполненность». Однако тот же Гелен был далек от представления, будто человек на этом основании обречен, вынужден стать жертвой эволюции. Напротив, он утверждал, что человек не способен жить по готовым стандартам природы, что обязывает его искать иные способы существования.

Сравним у Тютчева:

Иным достался от природы
Инстинкт пророчески-слепой, –
Они им чуют – слышат воды
И в темной глубине земной...⁹⁵

Что касается человека как родового существа, то он был природно, инстинктуально глух и слеп... Человек, как биологическое существо, оказался обреченным на вымирание. Он был приговорен к поискам экстремальных способов выживания не только как представитель общества, но и как животное.

Однако природа способна предложить каждому живому виду множество шансов. Оказался такой шанс и у человека. Не имея четкой инстинктуальной программы, не ведая, как вести

себя в конкретных природных условиях с пользой для себя, человек бессознательно стал присматриваться к другим животным, более прочно укорененным в природе. Он как бы вышел за рамки видовой программы. В этом проявилась присущая ему «особость»; ведь многие существа не сумели преодолеть собственную природную ограниченность и вымерли.

Но чтобы подражать животным, нужны какие-то проблески сознания? Нет, вовсе не нужны. Способность человека к подражанию не исключительна. Этот дар есть у обезьяны, у попугая... Однако в сочетании с ослабленной инстинктивной программой склонность к подражанию имела далеко идущие последствия. Она изменила сам способ человеческого существования. Стало быть, для обнаружения специфичности человека как живого существа важна не человеческая природа сама по себе, а способ его бытия.

Итак, человек неосознанно подражал животным. Это не было заложено в инстинкте, но оказалось спасительным свойством. Превращаясь как бы то в одно, то в другое существо, он в результате не только устоял, но постепенно выработал определенную систему ориентиров, которые надстраивались над инстинктами, по-своему дополняя их. Дефект постепенно превращался в известное достоинство, в самостоятельное и оригинальное средство приспособления к окружающей среде.

«Человек обречен на то, чтобы все время, — пишет Ю.Н. Давыдов, — восстанавливать нарушенную связь с универсумом...»⁹⁶. Восстановление этого нарушения есть замена инстинкта принципом культуры, т.е. ориентацией на культурнозначимые предметы. Концепция символического, игрового приспособления к природному миру разработана в трудах Э.Кассирера. Отметим также, что социокультурная ориентация философии обострила интерес к категории символа, символического. Символическое стало фундаментальным понятием современной философии наряду с такими, как наука, миф, телос, субъект и т.п.

Поле исследований символического велико: философская герменевтика (Г.Гадамер), философия культуры (И.Хёйзинга), философия символических форм (Э.Кассирер), архетипы коллективного бессознательного (К.Юнг), философия языка (Л.Витгенштейн, Ж.Лакан и др.). Исследования символическо-

го представлены в концепции символического интеракционизма (Дж. Мид, Г.Блумер, И.Боффман), где символическое рассматривается как «обобщенный другой»⁹⁷.

Кассирер намечает подступы к целостному воззрению на человеческое бытие как протекающее в символических формах. Он обращается к трудам биолога И. Иксюля, последовательного сторонника витализма. Ученый рассматривает жизнь как автономную сущность. Каждый биологический вид, развивал Иксюль свою концепцию, живет в особом мире, недоступном для всех иных видов. Вот и человек постигал мир по собственным меркам.

Иксюль начинает с изучения низших организмов и последовательно распространяет модели их существования на другие формы органической жизни. По его убеждению, жизнь одинаково совершенна всюду: и в малом, и в великом. Каждый организм, отмечает биолог, обладает системой рецепторов и системой эффекторов. Эти две системы находятся в состоянии известного уравновешивания.

Можно ли, спрашивает Кассирер, применить эти принципы к человеческому виду? Вероятно, можно в той мере, в какой он остается биологическим организмом. Однако человеческий мир есть нечто качественно иное, поскольку между рецепторной и эффекторной системами развивается еще третья система, особое соединяющее их звено, которое может быть названо символической вселенной. В силу этого человек живет в качественно ином мире, в новом измерении реальности.

Животные реагируют на внешний стимул непосредственно, у человека же этот ответ должен подвергнуться еще мысленной обработке. Человек живет уже не просто в физической, но и в *символической вселенной*. Это символический мир мифологии, языка, искусства и науки, который сплетается вокруг человека в прочную сеть. Дальнейший прогресс культуры только укрепляет эту сеть.

Кассирер отмечает символический способ общения с миром у человека, отличный от знаковых сигнальных систем, присущих животным. Сигналы есть часть физического мира, символы же, будучи лишенными, по мысли автора, естественного, или субстанциального, бытия, обладают прежде всего *функции-*

ональной ценностью. Животные ограничены миром своих чувственных восприятий, что сводит их действия к прямым реакциям на внешние стимулы. Поэтому животные не способны сформировать идею возможного. Между тем для сверхчеловеческого интеллекта или для божественного духа, как подмечает Кассирер, нет различия между реальностью или возможностью: все мысленное становится для него реальностью. И только в человеческом интеллекте наличествует как реальность, так и возможность.

Для первобытного мышления, считает Кассирер, весьма трудно проводить различие между сферами бытия и значения, они постоянно смешиваются, в результате чего символ наделяется магической либо физической силой. Однако в ходе дальнейшего развития культуры отношения между вещами и символами проясняются, как проясняются и отношения между возможностью и реальностью. Вместе с тем во всех тех случаях, когда на пути символического мышления выявляются какие-либо препятствия, различие между реальностью и возможностью также перестает ясно восприниматься.

Вот откуда, оказывается, родилась социальная программа! Первоначально она возникла из самой природы, из попытки уцелеть, подражая животным, более укорененным в естественной среде. Потом у человека стала складываться особая система. Он стал творцом и создателем символов. В них отразилась попытка закрепить различные стандарты поведения, подсказанные другими живыми существами.

Таким образом, у нас есть все основания считать человека «незавершенным животным». Вовсе не через наследование благоприобретенных признаков он оторвался от животного царства. Для антропологии ум и все, что его занимает, относится к области культуры. Культура же не наследуется генетически. Из приведенных рассуждений вытекает логический вывод: тайна культурогенеза коренится в формировании человека как символического животного.

Несомненно, символическое мышление и поведение — самые характерные черты человеческой жизни, на которых зиждется весь прогресс человеческой культуры. Но можем ли мы рассматривать их как главную сферу применения в социальной

жизни? Ответив на этот вопрос отрицательно, считает Кассирер, мы должны будем признать наше невежество в тех важнейших проблемах, которые всегда были в центре внимания философии культуры. Без ответа останутся вопросы о происхождении языка, искусства, религии, а в результате мы столкнемся с культурой как фактом, оторванным от других и потому непонятным.

Вполне естественно, что такое решение было неприемлемо для ученых. Они всячески стремились связать факт символизма с другими хорошо известными и элементарными фактами. И хотя огромное значение этой проблемы было осознано, правильный подход к ней находили, к сожалению, очень редко. С самого начала вопрос оказывался неясным и смешивался с другими вопросами, принадлежавшими иной области размышлений. Дискуссия по этой проблеме не смогла дать беспристрастного описания и анализа феноменов самих по себе, выродившись в метафизический спор; в конце концов этот вопрос стал пробным камнем в спорах между различными метафизическими системами — идеализмом и материализмом, спиритуализмом и натурализмом, — оказавшись стержневым для последующего развития науки и метафизики.

Очевидно, что животные не всегда прямо реагируют на стимулы, они способны и на непрямую реакцию. Известные эксперименты Павлова с непреложностью эмпирически доказали существование так называемых репрезентативных стимулов. Очень интересные экспериментальные исследования Вольфа на человекообразных обезьянах показали действенность «знака поощрения». Животные обучаются отвечать на знаки как замену пищи поощрением так же, как если бы они реагировали на саму пищу. Согласно Вольфу, результаты разнообразных и длительных экспериментов доказали, что в поведении человекообразных обезьян наличествуют символические процессы. Роберт М. Йеркс, описавший эти эксперименты в своей последней книге, делает важный общий вывод: «Очевидно, что они [символические процессы] относительно редки и трудно наблюдаемы. Можно, конечно, и дальше сомневаться в их существовании, но, я полагаю, что в них мы вскоре обнаружим предшественников символических процес-

сов у человека. Этот объект находится на наиболее впечатляющей стадии развития, когда открытия ближайшего будущего будут иметь огромное значение».

Современная психология и психобиология принимают во внимание этот факт. В высшей степени симптоматичным мне кажется то, что в наши дни не философы, а эмпирики-наблюдатели и исследователи-экспериментаторы играют ведущую роль в решении этой проблемы.

В умственном развитии индивида переход от одной формы к другой — от всецело практической к символической установке — очевиден. Но здесь этот шаг — конечный результат медленного, постепенного развития. С помощью обычных методов психологического наблюдения нелегко различить отдельные стадии сложного процесса. Есть, однако, другой способ понять первостепенную значимость этого перехода. Сама природа, так сказать, ставит здесь эксперимент, проливающий неожиданный свет на проблему. Мы имеем в виду два классических случая — Лоры Бриджмен и Элен Келлер, двух слепоглухонемых девочек, которые с помощью специальных методов научились говорить. Оба случая хорошо известны и часто рассматривались в психологической литературе.

Решающий шаг, ведущий от пользования знаками и пантомимикой к использованию слов, т.е. символов, вряд ли может быть описан выразительнее. В чем же заключалось реальное открытие ребенка в этот момент? Элен Келлер уже умела связывать некоторые вещи или события с некоторыми знаками ручного алфавита. Установились стойкие ассоциации между вещами и тактильными впечатлениями. Но серии таких ассоциаций, даже если они повторяются и расширяются, не содержат понимания того, что такое человеческая речь и что она значит. Чтобы достигнуть такого понимания, ребенок должен сделать новое, более важное открытие. Он должен понять, что каждая вещь имеет название, что символическая функция не ограничивается отдельными случаями, а является универсально применимым принципом, охватывающим всю сферу человеческой мысли. В случае с Элен Келлер это открытие было внезапным потрясением. За исключением дефектов некоторых органов чувств, семилетняя девочка обладала крепким здоро-

вьем и высокоразвитым умом. При отсутствии заботы о ее воспитании она очень во многом отставала бы, но вдруг происходит этот решительный сдвиг, своего рода интеллектуальная революция. Ребенок начал видеть мир в новом свете. Он научился пользоваться словами не только как механическими знаками и сигналами, но совершенно новым орудием мышления. Открылись новые горизонты, и дитя могло теперь свободно странствовать по несравнимо более широкому и вольному пространству.

То же самое можно показать и на примере Лоры Бриджмен, хотя и без столь эффектного сюжета. И в умственных способностях, и в интеллектуальном развитии Лора Бриджмен значительно уступала Элен Келлер. В ее жизни и воспитании не было таких драматических событий, какие мы находим в жизни Элен. Но в обоих случаях налицо одни и те же типичные элементы. После освоения пальцевого алфавита Лора Бриджмен внезапно достигла момента, когда стала понимать символизм человеческой речи. Как раз в этом отношении между двумя случаями наблюдается удивительный параллелизм. «Я никогда не забуду, — писала мисс Дру, одна из учительниц Лоры Бриджмен, — первый обед после того, как она усвоила ручной алфавит. Каждый предмет, которого она касалась, должен был иметь название; мне пришлось даже попросить кого-то покормить других детей, пока я занималась составлением для нее по буквам новых слов».

Принцип символизма с его универсальностью, значимостью и общеприменимостью — волшебное слово, то самое «сезам, откройся!», которое позволяет войти в специфически человеческий мир, в мир человеческой культуры. Если человек обладает этим магическим ключом, дальнейшее развитие ему обеспечено. Такому прогрессу, очевидно, не препятствует недостаток чувственного материала. Случай Элен Келлер, достигшей очень высокой ступени умственного развития и интеллектуальной культуры, показывает нам ясно и неоспоримо, что в построении своего человеческого мира человек не зависит от качества материала, которым он располагает. Если бы сенсуалистические теории были верны, если бы каждая мысль была лишь бледной копией первоначального чувственного впечатления, тогда положение слепоглухонемого ребенка и в самом

деле было бы безнадежным. Ведь тогда были бы уничтожены подлинные источники человеческого знания; это было бы своего рода изгнанием из реальности. Но если мы изучим автобиографию Элен Келлер, мы не только тотчас узнаем, что это неверно, но и поймем, почему. Человеческая культура обретает свой специфический характер, свои интеллектуальные и моральные ценности не из составляющего ее материала, а из ее формы, архитектоники, строения. И эта форма может быть выражена в любом чувственном материале. Звуковой язык имеет огромные технические преимущества перед тактильным, но технические недостатки последнего не уничтожают самого существа его использования. Использование тактильного языка вместо звукового не перекрывает пути для свободного развития символической мысли и символического выражения. Если ребенок преуспел в усвоении значений человеческого языка, неважно, в каком конкретном материале эти значения ему доступны. Как показал случай Элен Келлер, человек может строить свой символический мир из самого бедного и скудного материала. То, что жизненно значимо, — это не отдельные кирпичи и камни, а их общая функция в архитектурной форме. В области речи именно их общая символическая функция оживляет материальные знаки и «дает им говорить». Вне этого живительного принципа человеческий мир действительно остается глухим и немым. С этим принципом даже мир слепоглохонемого ребенка может стать несравненно более широким и богатым, нежели мир самого высоко развитого животного.

Универсальная применимость — следствие того, что каждая вещь имеет название, — одно из величайших преимуществ человеческого символизма. Но не единственное. Существует другая характерная черта символов, которая сопровождает и дополняет первую, необходимо соотносится с ней. Символ не только универсален, но и чрезвычайно изменчив. Я могу выразить то же самое значение в различных языках, но даже в пределах одного и того же языка любая мысль, идея могут быть выражены в совершенно разных терминах. Знак или сигнал соотносится с соответствующей вещью одним-единственным жестко закрепленным способом. Любой конкретный и индивидуальный знак относится к определенной индивидуальной

вещи. В павловских опытах собаки легко приучались брать пищу только при особых сигналах; они не ели, покуда не раздавался сигнал, выбранный экспериментатором. Здесь, однако, нет аналогии с человеческим символизмом, как это зачастую интерпретируют, — наоборот, это полная противоположность символизму. Подлинный человеческий символизм характеризуется не единообразием, а как раз своей изменчивостью: он не жесток и статичен, а подвижен. Правда, полное осознание этой подвижности есть, по-видимому, результат более позднего интеллектуального и культурного развития человека. В примитивном мышлении это осознание очень редко достигается. Здесь символ рассматривается как свойство самой вещи, подобное другим ее физическим свойствам. В мифологическом мышлении имя бога — неотъемлемая часть природы самого бога. Если я неправильно называю бога, заклинание или молитва не подействуют. То же самое относится целиком и к символическим действиям. Религиозный ритуал, жертвоприношение всегда должны выполняться одним и тем же неизменным способом и в одном и том же порядке, если нужно, чтобы они подействовали. Дети часто испытывают затруднения, впервые узнавая, что не каждое название предмета — его «собственное имя», что каждая вещь может иметь совершенно разные названия в разных языках: они склонны думать, что вещь «есть» то, чем она названа. Но это ведь лишь первый шаг. Каждый нормальный ребенок очень скоро узнает, что для выражения одних и тех же желаний и мыслей можно использовать различные символы. Очевидно, что эта изменчивость и подвижность не имеют параллелей в животном мире. Задолго до того, как Лора Бриджмен выучилась говорить, она придумала очень любопытный способ выражения, фактически свой собственный язык. Этот язык состоял не из артикулированных звуков, а только из таких различных звуков, которые названы «эмоциональными шумами». Она обычно издавала эти звуки в присутствии некоторых лиц; тем самым эти лица становились вполне индивидуализированными — ведь каждого из окружавших ее людей она встречала особым шумом. «Я заметил, что всякий раз неожиданно встречая знакомого, — писал доктор Либер, — она прежде, чем начать говорить, неоднократно издавала звук, обо-

значавший данное лицо. Так она передавала радость встречи». Но когда посредством ручного алфавита ребенок узнал значение человеческого языка, все изменилось. Теперь звук действительно стал именем — и это имя не было жестко связано с индивидуальным лицом, оно могло меняться в зависимости от обстоятельств. Однажды, например, Лора Бриджмен получила письмо от своей прежней учительницы мисс Дру, ставшей после замужества миссис Мортон. В письме Лору приглашали в гости, что доставило ей большое удовольствие. Однако она сетовала на то, что мисс Дру подписала письмо именем мужа, она должна была подписать его своим старым именем. Лора сказала даже, что должна теперь придумать другой шум для своей учительницы: ведь шум для Дру не должен быть тем же самым, что и для Мортон. Ясно, что тем самым в значении этих прежних «шумов» произошли очень важные и интересные изменения. Они уже больше не были особыми выражениями, неразрывно связанными с конкретной ситуацией: они стали абстрактными именами. Ибо новое имя, изобретенное девочкой, обозначает не новое лицо, а то же самое в новых обстоятельствах.

Теперь возникает новый важный аспект нашей общей проблемы — проблемы *зависимости мысли об отношении от мысли о символе*. Вне сложной системы символов мысль об отношении вообще не может появиться, не то что полностью развиться. Некорректно утверждать, что простое *осознание* отношений предполагает интеллектуальный акт — акт логического или абстрактного мышления. Такое знание необходимо даже для элементарных актов перцепции. Теории сенсуализма описывают перцепцию как мозаику простых чувственных данных. Однако сенсуалисты постоянно упускают из виду факт, что само ощущение никоим образом не есть агрегат или связка изолированных впечатлений. Современная гештальт-психология изменила этот взгляд: она показала, что даже простейшие перцептивные процессы включают в себя фундаментальные структурные элементы, некоторые схемы или конфигурации. Этот принцип действует и в человеческом, и в животном мире. Даже на сравнительно низких стадиях животной жизни экспериментально доказано присутствие этих структурных элементов — в частности, пространственных и оптических структур. Само по себе

осознание отношений не может, таким образом, считаться специфической чертой человеческого сознания. Однако у человека мы находим все-таки особый тип мыслей об отношениях, не имеющий параллелей в животном мире. У человека развилась способность изолировать отношения — рассматривать их в абстрактном значении. Чтобы схватить это значение, человеку необязательно попадать в зависимость от чувственных — визуальных, слуховых, тактильных, кинестетических — данных. Он рассматривает эти отношения «сами по себе», — говорил Платон. Классический пример этого поворотного пункта в интеллектуальной жизни человека — геометрия. Даже в элементарной геометрии мы не ограничены представлением конкретных индивидуальных фигур. Мы не имеем дела с физическими чувственно воспринимаемыми объектами: мы изучаем те универсальные пространственные отношения, для выражения которых у нас есть адекватная символика. Без предшествующего шага в развитии языка такое достижение было бы невозможно. В экспериментах над процессами абстрагирования или обобщения у животных это становится очевидным.

Кёлер успешно показал способность шимпанзе реагировать на отношения двух или более предметов, а не на один отдельный предмет. Сопоставляя две кормушки с едой, шимпанзе в результате предварительного обучения постоянно выбирала большую, при том, что выбранный предмет в предшествующем эксперименте мог быть отвергнут как меньший из пары. Подобная способность реагировать на ближе лежащий, на более яркий, на более синий предмет скорее, чем на отдельную кормушку, доказана. Результаты Кёлера были подтверждены и развиты в последующих опытах. Было показано, что высшие животные способны на то, что может быть названо «изоляцией чувственно воспринимаемых факторов». В экспериментальной ситуации они имеют возможность выбирать отдельное чувственно воспринимаемое качество и реагировать соответственно. В этом смысле животное способно абстрагировать цвет от величины и формы или форму от величины и цвета. В некоторых экспериментах, проведенных миссис Коте, обезьяна — шимпанзе — могла отобрать из набора крайне разнообразных по внешнему виду предметов те, которые имели одно общее

качество; она могла, например, выбрать все предметы заданного цвета и положить их в указанный ящик. Эти примеры, видимо, доказывают, что высшие животные способны к тому, что Юм в своей теории познания обозначает термином «различение разумом». Однако все экспериментаторы, проводившие подобные опыты, подчеркивали также редкость, рудиментарность и несовершенство этих процессов. Даже после того как животные научались различать отдельные качества, они все еще допускали всякого рода забавные ошибки. Если в животном мире и существовали некоторые черты *distinctio rationis*, то они, так сказать, уничтожены в зародыше. Животные не могут развиваться, они лишены бесценной и необходимой помощницы — человеческой речи, системы символов.

Гердер был первым мыслителем, который осознал эту проблему достаточно четко. Он рассуждал как философ-гуманист, стремившийся к постановке вопроса исключительно в «человеческих» терминах. Отбросив метафизический или теологический тезис о сверхъестественном или Божественном происхождении языка, Гердер начал с критического переосмысления самой постановки вопроса. Речь — это не объект, не физическая вещь, которую можно объяснить естественными причинами; это процесс, общая функция человеческого мышления. Мы не можем описать этот процесс психологически — в терминах, которыми пользовались все психологические школы XVIII в. Речь, согласно Гердеру, — не искусственное творение разума; не должна она рассматриваться и как особый механизм ассоциаций. В своей собственной попытке выяснить природу языка Гердер ставит во главу угла то, что он называет «рефлексией». Рефлексия, или рефлексивная мысль, есть человеческая способность выделять из всего нерасчлененного потока чувственных феноменов некоторые устойчивые элементы, чтобы, изолировав их, сосредоточить на них внимание.

«Человек рефлектирует, когда его душевные силы действуют столь свободно, что он может выделить из целого моря ощущений, буруевающих его чувств одну волну и что он может остановить эту волну, сосредоточить на ней внимание, осознавать это внимание. Он рефлектирует, когда из сонной зыби образов, проникающих его чувства, он может сосредоточиться на

момента пробуждения, задержаться произвольно на одном образе, наблюдать его ясно и более спокойно, абстрагировать черты, показывающие ему, что именно это, а не что-либо другое, есть объект. Таким образом, он рефлектирует, когда может не только воспринимать все качества ясно и отчетливо, но и осознать одно или несколько из них как отдельные качества... Благодаря чему возможно такое осознание? Благодаря одной характерной черте или элементу сознания, который вырисовывается с достаточной четкостью и должен быть абстрагирован. Вот когда можно воскликнуть: Эврика! Эта изначальная черта сознания и есть язык души. Так и создается человеческий язык».

Здесь явлен скорее поэтический портрет, чем строгий логический анализ человеческой речи. Гердерова теория происхождения языка остается целиком спекулятивной. Она не исходит ни из общей теории познания, ни из наблюдения эмпирических фактов. Она основывается на его гуманистическом идеале и глубокой интуиции о характере и развитии человеческой культуры. Тем не менее она содержит весьма ценные логические и психологические элементы. Всем тщательно исследованным и описанным процессам обобщения или абстрагирования у животных явно не хватает отличительного признака, отмеченного Гердером. Однако позднее точка зрения Гердера получила неожиданное разъяснение и подтверждение совсем с другой стороны. Недавние исследования в области психопатологии языка привели к выводу, что потеря или серьезные нарушения речи, вызванные повреждением мозга, — не изолированное явление. Этот дефект целиком меняет характер человеческого поведения. Пациент, страдающий афазией или другими, подобными недугами, не просто теряет способность пользоваться словами, соответственно изменяется и его личность. Эти изменения слабо проявляются во внешнем поведении, поскольку обычно такие пациенты ведут себя совершенно нормально. Такие люди могут решать задачи, возникающие в обыденной жизни, могут даже проявлять искусность в решении таких задач. Но они полностью лишены возможности решать проблемы, выдвигаемые специфически теоретической или рефлексивной деятельностью. Они неспособны мыслить общими понятиями или категориями. Лишенные возможности понять

универсалии, они увязают в непосредственных фактах, в конкретных ситуациях. Такие пациенты неспособны выполнить задачу, связанную с необходимостью понимания абстракций. Все это очень знаменательно, ибо показывает нам, что та ступень, которую Гердер называл рефлексивной, зависит от символической мысли. Без символики жизнь человека должна быть уподоблена жизни узника Платоновой пещеры. Жизнь человека должна тогда ограничиться биологическими потребностями и практическими интересами; он не сможет получить доступ к «идеальному миру», который открывается с разных сторон религией, искусством, философией, наукой.

Из всех версий — орудийно-трудовой, психоаналитической, игровой и символической — наиболее разработанной и убедительной выглядит, по моему мнению, символическая. Она дает представление о тайне антропогенеза, разъясняет происхождение культуры в понятиях современной науки, не прибегая к сложным и умозрительным допущениям. В теоретическом смысле концепция Кассирера выглядит вполне логичной. В ней, правда, не содержится попытка раскрыть трансцендентную, сакральную природу культуры. Если из сферы науки выйти в мир религии, философии, то могут, очевидно, возникать и иные версии генезиса культуры. С этой точки зрения важна проблема соотношения культа и культуры.

Сакральные же версии культуругенеза сводятся к представлению о том, что Бог решил создать существо, которое было бы наделено духом, т.е. обрело бы богоподобие. Ангелы ожидали, что для этой цели Бог изберет именно их. Однако Бог избрал обезьяну. Тогда главный ангел обернулся Сатаной. С тех пор между Богом и Сатаной идет спор. Сатана утверждает, что никогда из этой похотливой обезьяны не получится творение по образу и подобию Божьему. Божий промысел стремится к иному..

Несмотря на множество концепций, связанных с культуругенезом, появление культуры остается философской проблемой, таящей в себе загадку и тайну.